

Социально-этические аспекты самоубийства в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (часть 2)

Безчасный К.В.

ФКУЗ «Медико-санитарная часть МВД России по г. Москве»

Резюме. В статье освещены взгляды Л.Н. Толстого на понимание сущности вопросов жизни и смерти, на почве религиозно-философских разночтений по вопросам самоубийства, обсуждаемых в российском обществе середины XIX века. Сама атмосфера и политическая обстановка в стране способствовали формированию «положительного» образа самоубийцы и пропаганде террористического акта, как разновидности суицида. Трагические события в родительской семье писателя послужили толчком к размышлениям о ценности жизни, которые и легли в основу романа «Анна Каренина».

Ключевые слова: самоубийство, художественная литература, Л.Н. Толстой.

Social and ethical aspects of suicide in the novel by L.N. Tolstoy «Anna Karenina» Part 2

Bezchasny K.V.

Medical Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia across Moscow

Summary. L.N. Tolstoy's views of understanding of essence of a matter of life and death, because of the religious and philosophical discrepancies concerning suicide discussed in the Russian society of the middle of the 19th century are covered in article. The atmosphere and a political situation in the country promoted formation of a «positive» image of the suicide and promotion of act of terrorism as kinds of a suicide. Tragic events in parental family of the writer were an incitement to reflections about life values which have formed the basis of the novel «Anna Karenina».

Key words: suicide, fiction, L.N. Tolstoy.

Исследование Б. Леннkvист несколько не опровергает концепцию существования антимира в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», напротив, она обогащается новыми фактами, подтверждающими правомерность ее существования, поскольку мы уже упоминали ранее, что мужик во сне Анны может трактоваться в некоторых случаях как черт, а в некоторых — как смерть. Черт-кузнец распаляет страсть героев, тем самым, втягивая их в свой антимир, и провоцирует их совершить свадьбу-самокрутку[7]. Именно со сцены в метель начинается вхождение Анны в царство смерти. В своем исследовании А. Н. Афанасьев справедливо отмечает, что «борьба жизни и смерти, лета и зимы, дня и ночи совершенно тождественны по значению, ибо понятия эти издревле сливались и в языке, и в народных верованиях. Самое жилище смерти помещается в холодных странах севера, в недрах бесплодных и покрытых вечными снегами скал» [1, С.332]. Образ мужика присутствует не только во сне Анны и Вронского. Он появляется и в другие кризисные моменты жизни героев. Мужик «с мешком через плечо» ехал в том же поезде, что и Анна. Вместе с ней он сошел на станции. Впервые мужик появляется на станции железной дороги в Москве, куда приехала Анна, и где она впервые встретилась с Вронским. Именно в тот момент, когда Анна шла по платформе, поездом задавило мужчину. Так в первый раз подспудно образ реального человека связывается со смертью. Реакция героев на это происшествие высвечивает основные черты их характеров: «Облонский, видимо, страдал. Он по-

морщился и, казалось, готов был плакать...Однако, через несколько минут Степан Аркадьич уже разговаривал с графиней о новой певице, а графиня нетерпеливо оглядывалась на дверь, ожидая сына» [5, С. 69-70]. «Вронский молчал, и красивое лицо его было серьезно, но совершенно спокойно» [5, С. 69]. «Каренина села в карету, и Степан Аркадьич с удивлением увидал, что губы ее дрожат, и она с трудом удерживает слезы» [5, С.70].

Эмоциональная Анна восприняла это происшествие как дурной знак, но она встряхнула головой, «как будто хотела физически отогнать что-то лишнее и мешавшее ей» [5, С. 70]. Уж не гибель ли человека, которая произошла несколько минут назад? Затем они с Облонским начали говорить о делах. Второй раз мужик появляется в виде истопника (*коцегара-черта*).Затем героиня, незаметно для себя, начинает засыпать, и во сне «мужик этот с длиною талией принялся грызть что-то в стене, старушка стала протягивать ноги во всю длину вагона и наполнила его черным облагом; потом что-то страшно заскрипело и застучало, как будто раздирали кого-то; потом красный огонь ослепил глаза, и потом все закрылось стеной» [5, С. 108].Мужик и старушка — это черт со смертью (в народных преданиях смерть часто ассоциировалась со старой женщиной, а черное облако символизирует вхождение в душу Анны нечистой силы). Так, образ мужика-черта перешел в область сна.

Анна Каренина, вступив в область антимира, стала замечать в людях недостатки, хотя раньше это было ей не свойственно. Она потеряла свои

«розовые очки», и все больше и больше в ее рассуждениях проскальзывали жестокость, недоброжелательство по отношению к людям и ко внешнему миру, которые в крайней форме проявились перед смертью героини. Инфернальные силы «встретили» ее и дома. Алексей Александрович читал книгу герцога де Лиля «Поэзия ада». После объяснения Карениной и Вронского на вечере у княгини Бетси Тверской «лицо ее блестело ярким блеском, но блеск этот был не веселый — он напоминал страшный блеск пожара среди темной ночи» [5, С.153]. Пожар — это стихия, разрушающая все на своем пути, поэтому и отсвет огня — в некоторой степени отсвет дьявольский. Именно бес помогает героине лгать, на что автор прямо указывает в тексте: «Анна говорила, что приходило ей на уста; и сама удивлялась, слушая себя, своей способности лжи. Она чувствовала, что какая-то невидимая сила помогала ей и поддерживала ее» [5, С. 153]. Каренин также поддавался влиянию нечистого: «...каждый раз, как он начинал говорить с ней, он чувствовал, что тот дух зла и обмана, который владел ею, овладевал и им, и он говорил с ней совсем не то и не тем тоном, каким хотел говорить» [5, С. 157].

Физическая близость героев оборвала платонический период их любви. Вронский представлен автором в роли убийцы духа, причины нравственного падения героини: «Стыд перед духовною наготою своей давил ее и сообщался ему. Но, несмотря на весь ужас убийцы перед телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что убийца приобрел убийством» [5, С. 158]. Этот эпизод можно соотнести со словами «мужика-черта» из сна Анны: «Надо ковать железо, толочь его, мять...» [5, С. 381]. Параллелизм конструкций в речи «героев» подчеркивает, что Вронский является невольным пособником беса. Они оба — убийцы. Б. Лёнквист, соотносит эти слова с «мужским архетипом» (кузнец в кузнице), который присоединяется к преимущественно женскому архетипу посредством глагола замешивать (месить тесто). «Мужское» кование железа соотносится с «женской» выпечкой хлеба. Слово, которое не было отмечено между двумя глаголами — «молоть, толочь» могло быть использовано и в описании процесса выпечки (мять, толочь)» [7, С.82]. Далее она пишет: «В целом, ряд глаголов «бить, мять, толочь» указывает на созидательную активность в процессе которой материал формируется рукой человека. В этом случае материал — железо, упоминание которого проходит через весь роман и повторно соотносится с искусственностью механизма, сделанного людьми» [7, С. 83]. Неправоммерно говорить на основании данной сцены о выпечке хлеба, поскольку этот процесс несет в себе созидательное начало, а слова мужика, (если предположить, что он — черт, да еще соотнести с характеристикой Вронского-убийцы), явно несут в себе коннотацию разрушения. К тому же слова «*le fer*» (франц. — железо), «*infernal*» (англ. — адский, дьявольский) имеют общий корень, что позво-

ляет нам трактовать образ мужика из сна Анны как образ чёрта, а, значит, символ смерти, предвестие гибели. Черт появился и во сне Вронского в образе «мужика-обкладчика»: «Он проснулся в темноте, дрожа от страха, и поспешно зажег свечу. «Что такое страшное я видел во сне? Да. Да. Мужик-обкладчик, кажется, маленький, грязный, со взъерошенной бородкой, что-то делал нагнувшись, и вдруг заговорил по-французски какие-то странные слова» [5, С. 375]. Засыпая, герой думал, об Анне и о мужике-обкладчике, «который играл важную роль на медвежьей охоте» [5, С. 374]. Так автор через сознание Вронского соединил мотив бесовщины с мотивом медвежьей охоты.

Барбара Лёнквист, опираясь на фольклорную традицию, полагает, что медвежий мотив в романе связан со сватовством и с сюжетной линией, которую условно можно обозначить «Левин — Кити». Поскольку Вронский является «женихом», участвующим в свадьбе-самокрутке, то мы считаем, что медвежий мотив присущ и сюжетной линии «Вронский — Каренина». Образ медведя и медведицы, соотносится в романе не только с женихом и невестой, но и с охотой на животное. Он также символизирует охоту Вронского за Анной и является одним из воплощений образа смерти. Черт и смерть предстают охотниками за душами и жизнями людей, поэтому мотив охоты имеет у Толстого более широкую трактовку. Появление в тексте мужика-черта вновь предшествует судьбоносной встрече героев. После приезда из Москвы Анна, находясь в сфере антимира, «нравственно и физически изменилась к худшему» [5, С. 377]. Герои подсознательно признают влияние нечистого, но определяют его «именем» только ревностью и злостью, которые периодически одолевают героиню: «Я прогнала, прогнала беса, — прибавила она. Бесом называлась между ними ревность. «Опять, опять дьявол! — взяв руку, которую она положила на стол, и целуя ее, сказал Вронский» [5, С.378]. Обратимся вновь ко сну о мужике. Анна видит в нем предсказание своей смерти во время родов и здесь смерть предстает в образе мужика. Местоположение «что-то» (а не «кто-то») подтверждает догадку: «Я видела, что я вбежала в свою спальню, — говорила она, с ужасом широко открывая глаза, — и в спальне, в углу, стоит что-то. И это что-то повернулось, и я вижу, что это мужик маленький, с взъерошенною бородой и страшный. И я от страха захотела проснуться, проснулась..., но я проснулась во сне. И Корней мне говорит: «Родами, родами умрете, родами, матушка...» [5, С. 381].

Именно этот сон впервые зарождает в голове героини мысль о том, что смерть может стать решением ее жизненно важной нравственной проблемы. Впоследствии триада «мужик — черт — смерть» подтолкнет Анну к совершению самоубийства. Таким образом, можно предположить, что сон сыграл определяющую роль в суицидальной настроенности поведения Анны Карениной: с этого времени, она будет стремиться к смерти и бессознательно «загонять себя в угол», чтобы одним уда-

ром разрубить Гордиев узел. И уже сейчас, во время встречи с Вронским незадолго до родов, героиня радуется возможной гибели: «Я умру, и очень рада, что умру и избавлю себя и вас» [5, С. 380]. Итак, оба героя испытали близость смерти (Вронский стрелялся, Каренина чуть не умерла во время родов), и даже после этого возможная кончина была желанна для Анны, и только в ней она видела спасение. В разговоре с Облонским четко прослеживается ее еще не вполне осознанная мысль о самоубийстве: «И мне ничего не остается кроме... Она хотела сказать смерти, но Степан Аркадьич не дал ей договорить. «Нет, Стива, — сказала она. — Я погибла, погибла! (...) Я — как натянутая струна, которая должна лопнуть. Но еще не кончено... и кончится страшно». Опять он понял по ее испуганному взгляду, что этот один выход, по ее мнению, есть смерть, и он не дал ей договорить» [5, С.449]. Вронский, полагая, что он потерял любовь Карениной, также думал о добровольном уходе из жизни: «Один раз увидит ее и потом зарыться, умереть» [5, С.456]. Они выжили и были готовы выйти за границы антимира, но оказались неспособными на это. Анна, воспитанная в традициях христианской религии, не была истинно верующим человеком. Вронский же представляет собой типичного «аморалиста», не думающего о душе и о Боге. И далее, пройдя искушение смерти, Анну не покидает идея небытия. Она даже играет ею, понимая, однако что в умелых руках — это грозное оружие: «И она, вспомнив те слова, которые дали ей победу, именно: «Я близка к ужасному несчастью и боюсь себя», — поняла, что оружие это опасно, и что его нельзя будет употреблять другой раз. А она чувствовала, что рядом с любовью установился между ними злой дух какой-то борьбы» [6, С. 284]. Влияние антимира все более усиливается к концу романа, и все чаще к героине возвращается мысль о гибели. Наконец-то она осознает свое подспудное желание: «Зачем я не умерла?» — вспомнились ей тогдашние слова. И она вдруг поняла то, что было в ее душе. Да, это была та мысль, которая одна разрешала все. «Да, умереть!...». «И стыд, и позор Алексея Александровича, и Сережи, и мой ужасный стыд — все спасается смертью» [6, С. 324]. Еще не вполне осознанно Анна говорит о том, почему ей так желанна кончина. Смерть становится для нее не способом искупления грехов, а орудием мести: «Умереть и он (Алексей Александрович) будет раскаиваться, будет жалеть, будет страдать за меня» [6, С. 324].

С желанием отомстить в героине рождается ненависть к окружающему миру, которую она распаляла в своем воображении. Анна стала лелеять мысль о самоубийстве, но это были только размышления, а не намерения свести счеты с жизнью: «И смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь к ней, наказать его и одержать победу ясно и живо представилась ей» [6, С. 331]. Она принимала опиум и не раз думала о том, что если выпить всю склянку сразу, то умрешь, с наслаждением представляла себе, как

Вронский «будет мучиться, раскаиваться и любить ее память, когда уже будет поздно» [6, С.331].

Приемы наркотических препаратов усилили депрессию и суицидальное настроение главной героини. Ранее отмечалось, что Анна нравственно и физически изменилась в худшую сторону, поскольку наркотики способствуют прогрессирующему распаду личности и вызывают сильнейшие приступы депрессии и мизантропии. Врачи в XIX веке еще не полностью представляли пагубных последствий привычного употребления возбуждающих препаратов и часто прописывали морфин или опиум в качестве обычного лекарства. Анна принимала наркотики как снотворное или болеутоляющее средство: «Когда я думаю об этом, то я уже не засыпаю без морфина» [6, С. 216]. «И так же как прежде, занятиями днем и морфином по ночам она могла заглушать страшные мысли о том, что будет, если он разлюбит ее» [6, С.243]. «Когда она налила себе обычный прием опиума и подумала о том, что стоило только выпить всю склянку, чтобы умереть, ей показалось это так легко и просто» [6, С. 331]. В тексте романа существуют косвенные доказательства того, что у Анны Карениной постепенно стала формироваться наркотическая зависимость. Морфин и опиум усугубили отрицательные качества личности героини: появились злоба, раздражительность, гневливость, склонность к резким перепадам настроения, появились трудности при концентрации внимания. Во время беседы с Вронским она искажает смысл его речи: «Тебе это нужно для детей, а обо мне ты не думаешь? — сказала она, совершенно забыв и не слышав, что он сказал: «Для тебя и для детей» [6, С.327].

Л. Н. Толстой планомерно и последовательно изображает нарастающую неспособность героини к самоконтролю, за несколько часов до гибели она находится в состоянии, близком к помешательству. Так, находясь в имении Вронского, Анна ожидала увидеть там сына Сережу, оставленного в Петербурге. Она не помнила, где и когда делала прическу. Увидев себя в зеркале и «оглядывая себя всю, она почувствовала на себе его поцелуи. Потом подняла руку к губам и поцеловала ее. «Что это, я с ума схожу» [5, С. 335]. Испытывая эйфорию под воздействием наркотического препарата, героиня находится в состоянии измененного сознания, для которого характерны искаженные восприятия действительности и человеческих взаимоотношений: «Она лежала в постели с открытыми глазами, глядя при свете одной догоравшей свечи на лепной карниз потолка, и живо представляла себе, что он будет чувствовать, когда ее уже не будет и она будет для него только одно воспоминание. Вдруг тень ширмы заколебалась, захватила весь карниз, весь потолок, другие тени с другой стороны рванулись ей навстречу, и все стало темно. «Смерть!» — подумала она. И такой ужас нашел на нее, что она не могла понять, где она, и долго не могла дрожащими руками найти спички и зажечь другую свечу вместо той, которая догорела и потухла» [6, С. 331]. Писатель

так мастерски изобразил погруженность героини в себя, что не сразу становится ясна реальная действительность. Анна долго приходит в себя и осознает, что всего-навсего в комнате потухла свеча, так в произведении вновь звучит этот мотив безысходности.

Болезненное метание героини в последние дни жизни можно сравнить с последними бликами выгоревшей свечи. Мысль о смерти вызвала в Карениной жажду жизни, которая воплощалась для нее в любви к Вронскому. Амбивалентность чувств также характерна для человека, употребляющего наркотики. Она почти ненавидела Алексея, а через минуту, смотря, как он спит, испытывала подъем настроения, благодушие и умиление. Сон при наркотической зависимости характеризуется поверхностностью и неправильным ритмом. Эта черта болезненного состояния также нашла отражение в романе Л. Н. Толстого: «Она вернулась к себе и после другого приема опиума к утру заснула тяжелым, неполным сном, во все время которого она не переставала чувствовать себя» [6, С. 332]. Словно в ответ на мысли о смерти, Анне вновь приснился сон, в котором «старичок-мужичок с взлохмаченной бородой что-то делал, нагнувшись над железом и она, как и всегда при этом кошмаре (что и составляло его ужас), чувствовала, что мужичок этот не обращает на нее внимания, но делает это какое-то страшное дело в железе над нею» [6, С. 332]. «Вновь черт перекрестилась, и «привычный жест крестного знамения вызвал в душе ее целый ряд девичьих и детских воспоминаний, и вдруг мрак, покрывавший для нее все, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновенье со всеми ее светлыми прошедшими радостями» [6, С.348]. Несмотря на стремление к суициду, последний шаг героини все же был результатом эмоционального импульса, в некоторой степени игрой. Она так привыкла к мысли о смерти, что не верила до конца в возможность ее реализации. Отсюда ее искреннее недоумение: «Где я? Что я делаю? Зачем?» [6, С.348]. Но дьявольский промысел уже сделал свое дело, и пути назад не было: «Но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину. «Господи, прости мне все!» — проговорила она, чувствуя невозможность борьбы. Мужичок, приговаривая что-то, работал над железом. И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла» [6, С. 372]. Обращение к Богу символизирует раскаяние героини в содеянном. Об этом же свидетельствует образ свечи, которая осветила все, что было во мраке для Анны, т. е. тот период жизни, когда она пребывала в сфере антимира.

Еще раз обратимся к эпиграфу: «Мне отмщение, и Аз воздам»: произведение начинается с мотива мести (Долли хотела отомстить мужу) и заканчивается его воплощением в жизнь. Кольцевая композиция романа символизирует круги ада, в которые дьявол втягивает человека, незащищен-

ного верой. Только способность к христианскому прощению и любви может спасти душу и удержаться от роковой ошибки — таково мнение автора. Истинный суд есть суд Божий. Эту мысль Л. Н. Толстого в полной мере понял и оценил Ф. М. Достоевский: «В «Анне Карениной» проведен взгляд на виновность и преступность человеческую. Взятые люди в ненормальных условиях. Зло существует прежде них. Захваченные в круговорот лжи, люди совершают преступление и гибнут неотразимо. Ясно и понятно до очевидности, что таится зло в человечестве глубже, чем предполагают социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой и что, наконец, законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределенны и столь таинственны, что нет и не может быть еще ни законов, ни даже судей окончательных, а есть Тот, который говорит: «Мне отмщение, и Аз воздам». Ему одному лишь известна вся тайна мира сего и окончательная судьба человека» [2, С. 200]. По мнению Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстой гениально подсказал людям в сцене смертельной болезни Анны Карениной способ спастись от роковой неизбежности зла: всепрощение. Именно об этом просит героиня Создателя: «Господи, прости мне все!». В романе довольно четко прослеживается иерархическое соотношение понятий и образов: «Бог» — «судьба» — «смерть» — «свеча». Господь предопределяет судьбу человека, но всегда дает ему свободу выбора (в системе мировоззрения самого Толстого предопределенность судьбы не равна фатализму). И у главной героини романа была возможность избрать иной жизненный путь после очищения и покаяния во время смертельной болезни. Перед гибелью она еще могла остановиться, но зло одержало победу, и Анна совершила роковой шаг. Всё же, несмотря ни на что, зло побеждено, и в самой гибели женщины есть момент просветления, очищения и искупления. Героиня Толстого поднялась на новый духовный уровень, хотя самовольно погасила свечу жизни, действовала же она не по своей воле, а по наущению нечистого. Именно об этом напишет намного позже Л. Н. Толстого Н. А. Бердяев, считавший призыв к самоубийству проявлением «бесовской силы», подчиняющей личность. Самоубийца, по его мнению, творит не свою волю и не понимает сатанинской метафизики суицида. Он всё-таки есть человек одержимый объявившей его тьмой и потерявший свободу.

Выбор героиней способа ухода из жизни случаен, поскольку паровоз с топкой ассоциируется с адским огнём и является олицетворением злой бесовской силы, ее орудием. Именно поэтому мужик-черт из сна Анны Карениной, приговаривая что-то, работал над железом. Нечистая сила привезла её на встречу с Вронским, она же и разлучила героев. Смерть, подобно дьяволу, воплощена в произведении в различных образах, которые пронизывают весь роман, усиливая трагизм ду-

шевных страданий героини. Л. Н. Толстой не изменил своей художественной манере, вновь употребив систему маркёров смерти для того, чтобы подчеркнуть неизбежность духовной и физической гибели человека, выбравшего путь греха. Животные, с которыми автор сравнивает своих героев, в некоторой степени связаны с проблемой смерти: Каренин уподобляется быку, Вронский — собаке, Анна — лошади. Любопытна одна из последних параллелей, интересная богатством ассоциаций: гибель Фру-фру вследствие оплошности Вронского, безусловно, связана с судьбой Карениной. Этот факт подтверждается не только сюжетной линией романа, его композицией, но и символическим значением слова «лошадь». В античной мифологии лошадь олицетворяла сумерки потустороннего мира, считалась порождением ночи, а также соотносилась с понятием «смерть» (англ. *mare* — «кобыла») Это животное связано с огнём (огонь в глазах Анны) и символизирует одновременно жизнь, смерть и злые магические силы, а также соотносится со значением «человек» (нем. *Schele* — «жеребец») [3, С. 105].

Исходя из вышесказанного, можно составить цепь образов и понятий, вписывающихся в контекст романа: «лошадь — «ночь» — «смерть» (жизнь) — «злые силы» — (огонь и птица). Л. Н. Толстой сравнивает Фру-фру с птицей: «...она затрепыхалась у его ног, как подстреленная птица». И Анна, увидев падение Вронского, также «...стала биться, как пойманная птица: то хотела встать и идти куда-то, то общалась к Бэтси» [5, С. 221]. Эта аналогия, конечно, не случайна, ведь птица, как предвестница беды, по утверждению М. М. Маковского, совпадает с символикой лошади (символ смерти так же идентифицируется со смертью [3, С. 111]). Именно после скачек героиня объявила мужу о своей неверности и тем самым изменила свою жизнь коренным образом. И даже это ещё не все «совпадения». «Неловкое движение, сделанное Вронским, сломало ей [лошади] спину» [5, С. 210]. Его же невнимательность и в какой-то мере бездушие способствовали тому, что Анна лишила себя жизни, и «что-то огромное, немолчаливое потащило её за спину» [5, С. 348].

Реакция Вронского на гибель лошади и Карениной во многом однотипна и является показателем связанности двух сцен: «Вронский не мог отвечать на вопросы, не мог говорить ни с кем. Он повернулся и не подняв соскочившей с головы фуражки, пошел прочь от гипподрома, сам не зная куда идти. Он чувствовал себя несчастным» (Фру-фру) и «Шесть недель он не говорил ни с кем, и ел только тогда, когда мать умоляла его. Уж я не знаю, что там было, но его привезли как мертвого. Потом началось почти бешенство» (Анна Каренина). Гибель Фру-фру была предостережением, данным героям романа свыше. Может показаться странным, что мотив лошади связан с мотивом сна. Но это так, поскольку в мифологии это животное олицетворяет подземный мир, мир усопших [3, С. 107]. Триада «лошадь — «птица» — «сон», как и отмеченная

уже «мужик» — «черт» — «смерть», делает предсказание гибели роковым. К образам животных, связанных со смертью, относится также и бык, с которым Л. Н. Толстой сравнивает Каренина: «Как бык, покорно опустив голову, он ждал обуха, который, он чувствовал, был над ним поднят» [5, С. 157]. Бык в мифопоэтическом мышлении символизировал жертву, молчание, смерть и преисподнюю, хотя смерть считалась неотделимой от жизни, что объясняет взаимосвязь положительных и отрицательных трактовок этого образа. Подобно лошади, бык соотносится с нижним миром, с преисподней. Алексей Александрович своим бездушием и неумением выражать чувства, косвенным образом приблизил Анну к роковой черте. Другого мужчину, сыгравшего главную роль в жизненной трагедии героини, Л. Н. Толстой сравнивает с собакой. Но именно это животное сопровождало души умерших в загробный (нижний) мир и было неизменным стражем у врат ада. Нижний мир и ад неизменно связываются с огнем, который наносит вред, ущерб и сеет смерть.

В итоге символика лошади и собаки во многом совпадают («ночь», «огонь», «смерть»). Это еще один пример «сцеплений» на уровне понятий, о которых писал Л. Н. Толстой Н. Н. Страхову. Более того, в народном сознании собака тесно связана с волком, которого называют «разбойником», «убийцей». Эти черты также находят воплощение в образе Вронского. Во-первых, он «крадет» Анну из семьи; во-вторых, любовный акт автор описывает как расчленение трупа убийцей. Связь волка со смертью обуславливается тем, что это животное, по легендам славян, было сотворено чертом против Бога. Символика волка обуславливает его связь с умершими и с бесом. Период разгула волков во многих местах совпадает со временем разгула нечистой силы [3, С. 122-132]. Более того, волк — посредник между этим и тем светом, между людьми и нечистой силой. В христианстве это животное осмысливается как носитель сатанинского начала в противопоставлении овце как символу верующего: бойтесь волков в овечьей шкуре. Таким образом, возможно, провести некоторые параллели: 1) Анна — заблудшая овца; 2) Вронский — волк-разбойник. По своей символике волк наиболее близок медведю. Б. Лёнквист писала о том, что медвежий мотив в романе Л. Н. Толстого связан с образом жениха и со свадебными обрядами [7]. В народе принято считать, что медведь близко знает с нечистой силой, его нередко называют: лешаком, лешим, лесным чертом [1, С. 340]. В тексте романа реализуются не одна, а две линии «медвежьего мотива». Первая связана с Левиным и Кити, вторая — с Карениной и Вронским. Мы уже упоминали о том, что отношения второй пары героев определены ситуацией охоты: как Вронский «охотится» за Анной (за медведицей, невестой), так и смерть (медведица) «охотится» за человеком. Левин иносказательно называет смерть медведицей: «Когда поймешь, что нынче-завтра умрешь, и ничего не останется, то так все ничтожно! И я считаю очень важную свою

мысль, а она оказывается так же ничтожна, если бы даже исполнить ее, как обойти эту медведицу. Так и проводишь жизнь, развлекаясь охотой, работой, — чтобы не думать о смерти» [5, С. 396]. Слова Левина предвзвешивают пороговые ситуации в романе: попытку самоубийства Вронского и опасную болезнь Карениной. Когда Алексей Александрович уже начал надеяться на возможность избежать скандала и сохранить семью, он, вернувшись домой, «...увидел красавца лакея в галунах и медвежьей пелеринке» [5, С. 441]. Лакей сообщил о приезде княгини Елизаветы Фёдоровны Тверской и после приезда последней невозможность совместного существования стала очевидной для Каренина. Сравнение персонажей с животными, безусловно, связано с темой смерти, животные выступают как «маркёры» духовной и физической гибели героини.

Таким образом, тема самоубийства, поднятая в романе «Анна Каренина», является результатом взаимодействия факторов системного порядка. Появление произведения было обусловле-

но, прежде всего, фактами духовной и творческой биографии самого писателя, а также рядом событий общественной жизни России 1850-70-х годов: покушением на императора, «эпидемией самоубийств» в дворянской среде, полемикой по проблематике суицидов, отразившейся в печатных (религиозных, законодательных, научных, популярных, художественных) изданиях. Автор придавал особое значение феномену народного православия, стараясь постигнуть отношение простых людей к проблеме соотношения жизни и смерти. Для Л. Н. Толстого этика и эстетика смерти, заостренная в проблеме самоубийства, приобрела в период работы над романом «Анна Каренина» (1875-1877) особую остроту. Суицидальное поведение писатель рассматривал как следствие вхождения личности во враждебный ей антимир, сферу дьявольского влияния, что попытался отразить совокупностью причин, способных подвести человека к роковой черте. Из эпиграфа романа «Мне отмщение и Аз воздам» со всей очевидностью вытекает: «Не судите, да не судимы будете»...

Литература

1	Афанасьев А.Н. Древо жизни. — М.: Современник. — 1982. — 464 с.	Afanas'ev A.N. Life tree. — M.: Sovremennik. — 1982. — 464s. (In Rus.)
2	Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти т.—Л.: Наука. — 1983. — Т.25. — С.199-205.	Dostoevskij F.M. Collected works of 30 vv. — L.: Nauka. — 1983. — Vol.25. — S.199-205. (In Rus.)
3	Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов.—М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. — 1996. — 416с.	Makovskij M.M. The comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages: Image of the world and worlds of images. — M.: Gumanit. izd. centr VLADOS. — 1996. — 416s. (In Rus.)
4	Сато Юсуке, Сорокина В.В. «Маленький мужик с взъерошенной бородой»: (об одном символическом образе в «Анне Карениной»)// <i>Phylologica</i> . — Moscow; London. — 1998. — Т.5. — №11/13. — С.139-154.	Sato YUsuke, Sorokina V. V. «The little man with the tousled beard»: (about one symbolical image in «Anna the Kareniny») // <i>Phylologica</i> . — Moscow; London. — 1998. — Т.5. — №11/13. — S.139-154. (In Rus.)
5	Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.—Пер. воспроизвед. изд. 1928-1958 гг.—М.: Терра — Terra. — 1992. — Т.18. — 455с.	Tolstoj L.N. Collected works. — Repr. vosproizved. izd. 1928-1958 gg.—M.: Terra — Terra. — 1992. — T.18. — 455s. (In Rus.)
6	Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.—Пер. воспроизвед. изд. 1928-1958 гг. —М.: Терра — Terra. — 1992. — Т.19. — 517с.	Tolstoj L.N. Collected works. — Repr. vosproizved. izd. 1928-1958 gg. — M.: Terra — Terra. — 1992. — T.19. — 517s. (In Rus.)
7	Lönnqvist B. A text within a text: the dream in «Anna Karenina»// <i>Scando-Slavica</i> . — Copenhagen. — 1998. — Т.44. — P.75-83.	Lönnqvist V. A text within a text: the dream in «Anna Karenina»// <i>Scando-Slavica</i> . — Copenhagen. — 1998. — T.44. — P.75-83. (In Eng.)

Сведения об авторе

Безчасный Константин Васильевич — к.м.н., врач психиатр ФКУЗ «Медико-санитарной части МВД России по г. Москве». E-mail: kv2005spb@mail.ru